

В заключение нужно указать, что книга г. Машкина является стройной по композиции и богатой по содержанию работой, не заменяющей, разумеется, более подробного изложения—это и не было целью автора,—но помогающей систематизировать и лучше понять ход, главное направление и результаты развития древнего Рима.

К. Зельин

К истории державы Рюриковичей

(Обзор литературы за 1938 г.)

После того как выяснилась порочность антиленинской исторической концепции М. Н. Покровского и его «школы», у нас вырос интерес к эпохе Киевской Руси. Значительную роль в данном случае сыграли работы акад. Б. Д. Грекова, в особенности несколько раз переизданные его «Феодалные отношения в Киевском государстве».

Далекая и довольно темная эпоха домонгольского периода истории Руси имеет немало спорных вопросов, вследствие чего обсуждение их продолжается доселе. В самое последнее время разные вопросы Киевской эпохи вновь затронуты в новейших статьях Б. Д. Грекова: «Киевская Русь и проблема генезиса русского государства у М. Н. Покровского» («Историк-марксист», 1937 г., № 5—6 и в книге «Против исторической концепции М. Н. Покровского») и «Автор „Слова о полку Игореве“ и его время» («Историк-марксист», 1937 г., № 4), также в критических замечаниях на «Материалы по истории СССР» проф. А. В. Шестакова (статья проф. В. И. Пичета в «Историк-марксисте», 1928 г., № 4; статьи группы ученых в № 5—6 журнала «Книга и пролетарская революция», 1938 г., также в газете «Красная звезда», 1938 г., № 180), затем— в «Ответе на критику материалов по истории СССР» самого А. В. Шестакова в № 20 «Пропагандиста и агитатора РККА», 1938 г., в новейших статьях—проф. С. В. Бахрушина в № 2(3) журнала «ВДИ», 1938 г. «Держава Рюриковичей», наконец, в № 6 «Историка-марксиста», 1936 г. статья М. Д. Приселкова «Слово о полку Игореве как исторический источник».

В этих статьях в пределах одного последнего года затронута масса разнообразных спорных вопросов по истории Киевского государства, как крупных, так и мелких, естественно вызывающих специалиста по этой эпохе на отклик. Начнем с более важных вопросов.

Самым крупным является решительно заявленное утверждение проф. А. В. Шестакова в упомянутом его «Ответе» о том, что «Киевская Русь в первом периоде своего становления имела державшуюся на военной силе, централизованную власть киевского князя» (стр. 40 в № 20 «Пропагандиста и агитатора РККА»), причем эту «централизованность» он выводит из указаний Маркса о «вассалитете без ленов» той эпохи. Это положение проф. Шестакова заслуживает сугубого к себе внимания. Но, во-первых, нужно заметить, что автор этого утверждения недостаточно верно понял Маркса, определенно говорящего о «примитивной организации норманского завоевания», без «глубоко продуманных планов» и о «вассальной зависимости без феодалов, или феодальном состоянии из дани». Трудно из этих замечаний Маркса вывести, как это делает проф. А. В. Шестаков, положение о «централизованности Киевского государства» (там же). Но если бы автор обратился к первоисточникам, он увидел бы здесь, например, «светлых князей и бояр», состоящих «под рукою» Киевского князя, усмотрел бы там «поиски империи на юге» (Маркс) со стороны Киевских князей, затем постоянные восстания отдельных племен против власти Киевского князя и т. п.

Какой централизованный аппарат власти в X в. может указать проф. Шестаков в Киевском государстве?

Ведь Маркс о «централизованности Киевского государства» и не говорил и таковой не допускал, называя его «империей несообразной, нескладной и скороспелой»¹.

¹ А. В. Шестаков уже в 1939 г. поднял вопрос о рабовладельческой формации в Киевском государстве—разбор см. «Историк-марксист» № 3, 1939 г.

Другой важный вопрос из истории Киевского государства поднимает акад. Б. Д. Греков. В упомянутой своей статье в № 4 «Историка-марксиста» 1938 г. он пишет так: «Самое образование классов при условии решающего значения земельного могло происходить в связи с освоением земли и расширением земельных владений нарождающейся знати. Начало этого процесса в верхнем Поволжье может быть отнесено приблизительно к VI—VII вв. н. э., а в среднем Поднепровье, надо думать, — раньше. Князь действует не один. Он окружен знатью, которая связывает свои интересы с интересами своего вождя—князя. Это все—«крупные землевладельцы»¹, каждый из которых имеет свой особый «двор», т. е. сумму слуг невоенных и военных, среди которых мы² можем видеть людей немаловажных. В этом отношении *очень характерны те делегации*, которые отправлялись в Грецию русскими князьями... У нас имеются все основания утверждать, что *эта знать—крупные землевладельцы, владельцы своих замков-дворов в самом обыкновенном для феодального времени значении этого термина...* Замки русских князей и княгинь X в. нам хорошо известны» (стр. 13—14 в № 4 «Историка-марксиста» 1938 г.).

Я нарочно привожу полнее определенные места статьи Б. Д. Грекова, чтобы яснее была видна мысль автора. Эти утверждения автора построены на основании договоров с греками 911—945 гг., «Правды» Ярославичей и летописного материала. Исходной точкой имеют они положение о земледелии как главной отрасли производства в нашей стране задолго до образования Киевского государства.

Таким образом, автор выдвигает мысль о раннем появлении на Руси зачатков феодализма (он ищет их в VI—VII вв.). Относительно X в. он признает наличие на Руси «крупных землевладельцев», «владельцев своих земель-дворов в самом обыкновенном для феодального времени значении этого термина», причем таковых видит и в упомянутых в Олеговом и Игоревом договоре «светлых князьях и боярах».

Это теоретическое построение Б. Д. Грекова очень интересно и должно быть подвергнуто всестороннему обсуждению. Оно обязывает автора разработать высказывания Маркса о «примитивной организации норманского завоевания»—о вассалитете без земельных пожалований, из одних даней, о чем, впрочем, он говорит в своих «Феодальных отношениях», относя эти замечания Маркса не к восточнославянскому обществу в период образования Киевского государства, а только к норманнам, появившимся в нашей стране. Должно быть подвергнуто обсуждению и утверждение автора о сильной княжеской власти в Киевском государстве, которое настойчиво поддерживает Б. Д. Греков (например, в упомянутой статье в № 5—6 «Историка-марксиста», 1937 г.). Подлежит обсуждению и вопрос о разнообразии культурного состояния различных частей Киевского государства, соотношение между древлянами, вятичами и дреговичами, с одной стороны, полянами и новгородскими славянами—с другой.

Все эти вопросы нужно взвесить и всесторонне обсудить, принимая при этом во внимание известное замечание товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу нового конспекта истории СССР о том, что не нужно валить «в одну кучу феодализм и дофеодальный период» в истории Руси.

Последнее обстоятельство подчеркивает в своей новейшей статье «Держава Рюриковичей» и проф. С. В. Бахрушин («ВДИ», 1938 г., № 2(3)). Но в этой статье, содержащей немало интересных замечаний, есть некоторые места, вызывающие недоумение. Прежде всего, автор заявляет себя крайним норманистом—до того, что готов легендарного Рюрика считать «конунгом Рёреком», Трувора—Торвардом, Синеуса—Синеутом, Рогвольда—«Рёгнвальдом». Это для читателя тем более неожиданно, что автор высказывает в основном правильное понимание летописных сказаний о той эпохе (стр. 89, 91). Тут можно вспомнить утверждение А. А. Шахматова об эпическом характере преданий о Рюрике, Синеусе и Труворе и работе над ними летописного сводчика², а также установление Н. Я. Марром связи имен этих трех князей с тотем-

¹ Курсив наш.

² «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб, 1908 г., стр. 313—316.

ными божествами доисторических народов¹. Ставши на такую крайне норманистскую точку зрения, автор в этих «варяжских конунгах» и их преемниках видит представителей «военно-разбойничьего характера» власти, преследующих лишь грабеж населения (стр. 92, 95). Значит, мы видим здесь отрицание государственного начала в Киевском государстве—по крайней мере до конца X в. (стр. 95). Заслуживает внимания при этом следующее обстоятельство: типичным представителем такой грабительской политики у автора является Святослав, «настоящий вождь бродячей дружины» (стр. 95), а между тем, двумя страницами выше автор пишет: «Только в договоре Святослава 971 г. отсутствует упоминание о его вассалах, и это свидетельствует о том, что к этому времени процесс объединения завершился и мелкие князья оыли либо истреблены, либо сошли на положение «посадников великого князя». «Быстрый успех киевских князей обуславливался в значительной мере тем, что среди славянских племен наблюдалось очень сильное стремление к объединению» (стр. 93):

Здесь получается некоторая неувязка, которая еще усложняется следующим заявлением автора: «Зачатки государственного строя следует искать не в дружинах скандинавских искателей приключений, а в славянских племенных княжениях. Варяжские конунги лишь возглавили тот процесс, который шел внутри славянских обществ Восточной Европы» (стр. 91). Как могла «шайка грабителей» «возглавить» процесс объединения славянских племен в Киевское государство? Как она могла им «гарантировать безопасность от набегов и грабежей со стороны других подобных же разбойников»? (стр. 92)

Автор, пытаясь разрешить проблему «сложения державы Рюриковичей», явно усложнил ее подобными несогласованными и взаимно друг друга исключаящими положениями. В самом деле, как «шайка разбойников» могла создать государство или «возглавить» процесс объединения славянских племен? Главное недоразумение получилось у автора оттого, что он переоценил значение норманнов в образовании Киевского государства. Норманны не могли играть ведущей роли, они не «возглавляли» Киевского государства, а были лишь военной силой на службе у местного общества, естественно развивавшегося.

В статье проф. Бахрушина норманизм вновь и с особой силой себя разоблачил: эта статья с особой яркостью показывает, что нельзя на «норманском завоевании» строить теорию созидания Киевского государства. Очевидно, норманизм себя уже изжил, и статья проф. Бахрушина явилась лебединой песней норманизма в нашей науке.

Исходя из указаний Маркса и Энгельса об образовании государства², норманскому завоеванию нужно отвести самую скромную роль в истории образования Киевского государства.

Но каково бы ни было происхождение самих князей, они все же оказались силой, содействовавшей некоторой спайке тех племенных княжений, которые в это время находились в процессе разложения; процесс классового образования, явившийся в результате этого разложения, еще, конечно, не привел сразу к феодализму. В этом процессе разложения родоплеменного строя, классового образования и подготовки феодальных образований сыграли роль многие факторы, и норманизм был лишь одним из них.

Естественно развивающееся экономически славянское общество на территории Восточной Европы попало в очень сложный переплет разнообразных влияний и отношений, в которых какую-то роль имел, между прочим, и связанный с юго-востоком каганат, упоминаемый в Бертинских анналах под 839 г.

Слабость норманского построения начальной истории Киевского государства заключается в сосредоточении внимания историка лишь на одном факторе создания государства и притом чисто внешнем.

¹ «Избранные сочинения», т. V, стр. 334.

² Например, у Энгельса: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития», «сила, происшедшая из общества» (стр. 224—225 в изд. 1937 г. кн. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Заслуживает внимания интересная попытка проф. М. Д. Приселкова увязать историю русско-половецких отношений в XII в. с византийской историей, но, к сожалению, некоторые предположения автора недостаточно подтверждены источниками (статья «Слово о полку Игореве как исторический источник», «Историк-марксист», 1938 г., № 6).

Таковы главнейшие вопросы, выдвинутые в последнее время в области истории Киевской Руси. Но нельзя обойти молчанием и некоторые мелочи, характерные для тех разногласий и пререканий, которые имели место в последнее время. Так, прежде всего следует отметить одно место в «Ответе» своим критикам проф. А. В. Шестакова. Он пишет (стр. 38 упом. журнала): «Неверно указано, что в Галицко-Волынском княжестве князья были из рода Мономаха: они были из рода Ростислава». Тут явное недоразумение. Дело в том, что до рубежа XII и XIII вв. Галицко-Волынского княжества вовсе не было, а действовали отдельные княжества—Галицкое и Волынское: в первом—с конца XI до конца XII в. властвовала династия внука Ярослава—Ростислава, а в Волынском сменилось несколько династий: сперва Игоря и Изяслава Ярославичей и затем в XII в. восторжествовала (с 1118 г. по Ипатьевской или с 1119 г. по Лаврентьевской летописи) династия Мономаховичей, которая и дала из своей среды Галицко-Волынских князей XIII в., объединивших эти земли. Таким образом, поправка оказалась ошибочнее первоначального утверждения «Материалов».

В связи с этими «Материалами» следует также коснуться замечаний по Киевской эпохе проф. В. И. Пичета, давшего наиболее серьезную критическую статью на эти «Материалы». Тем не менее следует сказать, что некоторые замечания автора слишком категоричны в тех случаях, когда касаются вопросов, не вполне установленных в науке.

Так, говоря, что «до Святослава нам неизвестны столкновения киевских князей с хазарами» (стр. 124 в 4-й книге), автор упускает из виду сообщение еврейского анонима X в. о борьбе с хазарами «царя Руси Хальгу» (Олега). С другой стороны, он упрекает авторов «Материалов» в том, что ими «забыты походы князей на восток (Бердаа)», причем ссылается на Соловьева. Между тем, летопись ничего не знает о походах наших князей X в. на южный Прикаспий, а известия арабских писателей о походах туда Руси 913 и 943 гг. вряд ли могут быть приписаны именно киевским князьям.

Далее, проф. В. И. Пичета категорически утверждает что Олегом был заключен один договор с Византией, а не два, а «Игорь ходил на Византию не один раз, а два» (стр. 125). Ведь вопросы о двух или одном договоре Олега и о походах Игоря спорные: в летописи имеются два договора Олега с Византией—907 и 911 гг., но многие исследователи считают подлинным лишь один последний договор; в летописи два похода Игоря, но некоторые исследователи считают, что второй из этих походов скомбинирован летописным сводчиком (например, акад. А. А. Шахматов). Такой же характер имеет категорическое утверждение: «Игорь не был сыном Рюрика» (стр. 125). Опять здесь имеются разные точки зрения: летопись определенно признает Игоря сыном Рюрика, что принимает большинство историков, но Шахматов склонялся к тому, что это утверждение—домысел летописного сводчика.

То же следует сказать и по вопросу о времени разгрома Ярославом печенегов: Ипатьевская летопись относит его к 1034 г., а Лаврентьевская—к 1036 г., так что и здесь категорическое утверждение автора критической статьи не совсем точно, хотя, видимо, дата 1036 г. точнее даты 1034 г.; любопытно, что, указывая дату 1036 г., автор ссылается на Ипатьевскую летопись, где как раз дана дата 1034 г. (стр. 127). Восстание смердов имело место не в 1021, а в 1024 г. (стр. 127).

Указанная автором критической статьи дата раздела Галицко-Волынского княжества между Польшей и Литвой—1366 г.—вряд ли может быть принята без оговорок (стр. 127). Димитрий Шемяка и Василий Косой ошибочно названы «племянниками» Василия Темного (стр. 129).

Мы отметим лишь некоторые мелочи. Но мелочи нередко имеют свое значение для более широких выводов и обобщений. Думаем вообще, что при разрешении спорных вопросов Киевской эпохи, выдвинутых советской историографией, большое значение должно быть уделено изучению ее по первоисточникам.

Проф. В. Пархоменко